

**“ПЛАНЕТА НАША
ПОХОЖА НА
НОВОБРАНЦА,
ПОТЕЮЩЕГО НА
МАРШЕ.”**

Истоки современного милитаризма.
Опыт критического обзора.

В какие времена и в каких регионах мира следует искать истоки идеологии и практик современного милитаризма?

Если обратиться к словам Иосифа Бродского как к метафоре, очень точно отражающей результаты длительного процесса милитаризации, то речь пойдет о поиске ответа на вопрос, как так случилось, что вся планета наша в какой-то момент истории сделалась похожей на новобранца, потеющего на марше.

Первые ассоциации со словом милитаризм – это прямая связь между войной, армией и особенной идеологией, оправдывающей массовое вооружённое насилие. Можно вспомнить ещё о растущих военных бюджетах. Эта тема регулярно обсуждается в СМИ. Но есть и множество других глубинных причин и связей, о которых мы не думаем или просто не знаем.

Существует прямая связь между милитаризмом и доминирующим в экономике капитализмом. Дело в том, что рождение современного милитаризма было тесно связано со становлением современной капиталистической экономики. В свою очередь милитаризм и капитализм верой и правдой служили созданию новейших империй: Голландской, Британской, Французской, Российской и разных других – а заодно и созданию современных национальных государств.

Развитие милитаристских идеологий и практик шло в унисон со становлением идеологии национализма и отражалось в постепенной национализации армий. В итоге массовые национальные, или, если угодно, постоянные «народные армии» сменили гораздо менее многочисленные феодальные рыцарские ополчения и армии наёмников – кондотьеров, набиравшиеся для ведения военных кампаний и распускавшиеся в перерывах между ними.

Конечно, для понимания процесса милитаризации обществ в Новое время важно понимать, как менялись принципы ведения войн или, иными словами, **принципы организованного коллективного насилия**. Но гораздо важнее проследить за связями между глубинными и часто остающимися невидимыми отношениями между войнами, капитализмом, империализмом, национальным государством и милитаризмом.

Важно также понимать, как менялись цели многочисленных войн. Эти войны всё больше велись не в интересах монархов, феодалов или каких-то религиозных сообществ, но в интересах быстро набирающего силу нового класса буржуазии.

Незадолго до начала Первой Мировой войны немецкий социолог Вернер Зомбарт писал, что:

«Когда мы исследуем истоки современного капитализма и воскрешаем в памяти внешние обстоятельства, при которых он появился на свет, наше внимание почти неизбежно обращается к непрерывным раздорам и войнам, коими полнится эпоха со времен крестовых походов до наполеоновских кампаний [...]. Простое рассуждение убеждает нас в том, что, по всей видимости, имеет место определенная связь между войной и капитализмом».

Это, казалось бы, «простое» утверждение Зомбарт постарался аргументировать в своей книге «Война и капитализм». Прежде чем двигаться дальше замечу, что после распада СССР неудачи социалистического строительства стали заметной преградой для критического взгляда на капитализм, мешали развитию критической дискуссии о его тёмных сторонах. Богатая традиция критических исследований милитаризма, в свою очередь, остается по большей части недоступной постсоветскому читателю. Поэтому и приходится напоминать о тех очевидных, или как выразился Зомбарт «простых» связях и отношениях между капитализмом и милитаризмом, которые обсуждаются уже много лет.

ВОЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Истоки современного милитаризма следует искать на территории различных европейских государств. В особенности в Нидерландах, Швеции, Пруссии, Франции. Современный милитаризм начинался в эпоху Возрождения и раннего Нового времени. Процесс формирования идеологий, институтов и практик современного милитаризма и национализации армий растянулся на несколько столетий. Примерно с XV–XVI до XIX–начала XX веков.

Масштабные изменения в способах ведения войн были **связаны с изобретением огнестрельного оружия**. Артиллерия и мушкеты меняли все привычные правила. Историк Майкл Робертс весьма метко обозначил эти радикальные изменения термином «военная революция».

Многие историки продолжали развивать эту идею Робертса или полемизировали с ним. Но ряд его тезисов и теперь звучит весьма актуально. В особенности важны его рассуждения о том, **какое влия-**

ние «военная революция» оказала на изменения в государственных системах.

Робертс указывает на то, что из-за роста военных расходов государство стремилось контролировать стратегические ресурсы (такие как медь или порох) и всё более настойчиво вмешивалась в жизнь подданных. Например, в Швеции и Англии сборщики селитры устраивали жестокие обыски. Изменения коснулись и сферы финансов. Армии всё время росли и теперь только государство могло позволить себе содержать их и вести войны. Впрочем, во время бесконечных войн все монархи прибегали к займам у финансистов и погружались в долги.

Робертс также говорит нам о том, что:

«Более строгая дисциплина, тщательно отработанные механические учения, требуемые новой линейной тактикой, соответствовали тенденции эпохи к абсолютной власти и, вполне возможно, усиливали её: было заманчиво думать, что дисциплина, которая так хорошо себя зарекомендовала на поле боя, может дать столь же удовлетворительные результаты, если применить её к гражданскому обществу. Правитель всё чаще отождествлялся с главнокомандующим, и из новой дисциплины и строевой подготовки родился не просто автократ, а тот особый тип автократа, который радовался имени Kriegsherr [Военачальник]».

К концу XVII века у монархов абсолютистского толка уже появилась тенденция считать военную форму своей обычной одеждой. Именно так, например, вели себя шведский король Карл XII или прусский монарх – Фридрих Вильгельм I.

Робертс также замечает, что:

«К концу [того же XVII] века монархи в основном получили эффективный контроль над своими армиями. Это было значительным событием, поскольку, как только армии стали королевскими (как и флоты), открылся путь к их окончательному превращению в национальные».

Что и происходило на протяжении XIX века.

Попытаемся проиллюстрировать весь этот длительный и сложный процесс на нескольких конкретных примерах. Нам придется отказаться от упоминания множества деталей и подробностей. Иначе лекция грозит растянуться на десятки часов. Но мы остановимся на

самых известных, ключевых исторических фигурах, событиях, чтобы через эти образы наглядно рассказать о специфике процесса милитаризации и идеологии милитаризма.

Множество людей стояло у истоков этого явления. Имена большинства давно позабыты. Но деяния самых известных, часто это были представители правящей элиты – аристократы и монархи – благодаря исследованиям многих историков хорошо известны.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ФРАНЦИЯ

И всё же имеет смысл начать не с военачальника или монарха, а с Жака Кёра – известного финансового деятеля первой половины XV века (это время Столетней войны и Жанны д'Арк), сына богатого торговца мехами из города Бурж, ещё больше разбогатевшего благодаря торговле с Восточным Средиземноморьем – шёлк, персидские ковры и пр. На пике своей карьеры он был королевским казначеем при дворе французского короля Карла VII.

Именно этот персонаж открывает «Великий бал у Сатаны» в известном булгаковском романе «Мастер и Маргарита». Коровьев шепчет на ухо Маргарите: «Рекомендую вам, королева, один из интереснейших мужчин. Убеденный фальшивомонетчик, государственный изменник, но очень недурной алхимик. Прославился тем, что отравил королевскую любовницу».

Неважно, что из этих слов правда, а что вымысел, и травил ли Жак Кёр королевскую фаворитку Агнессу Сорель (скорее всего это был навет на него). Для нашей темы гораздо важнее, что Жак Кёр, как считают некоторые историки, был если и не первым, то одним из первых в череде тех деятелей, кто «высказал мысль о необходимости государству и в мирное время располагать вооруженной силой». В будущем эта тенденция приведет **к созданию постоянных многочисленных армий**. Не случайно, что этот богатейший человек своего времени одновременно стоял и у истоков формировавшейся во Французском королевстве капиталистической экономики.

НИДЕРЛАНДЫ

Покинем на время Францию и перенесёмся в конец XVI – начало XVII веков, то есть в период раннего Нового времени, на территорию тогда ещё Нидерландов, в современности это Голландия, Бельгия и

Люксембург. Мориц Оранский был штатгальтером, то есть правителем этих земель в 1585–1625 годы.

Этого государственного деятеля и известного в своё время военачальника (совмещение этих двух родов деятельности станет типичным явлением и важной приметой милитаризации) принято считать создателем Нидерландов. Он считается одной из ключевых фигур, внесших вклад в изменение военного дела. В 1590 году Мориц создает первую в мире военную академию. Здесь стоит подчеркнуть, что **становление современных массовых институтов образования также было тесно связано с милитаризацией**. Понадобилось больше офицеров, больше людей, способных использовать артиллерию и вообще огнестрельное оружие. Он был автором практических пособий и учебников о военном деле. Например, свода правил для пехотинцев. Создал новый тип кавалерии – рейтаров или кирасиров. Это были тяжеловооружённые всадники, в числе прочего использующие и огнестрельное оружие.

Все эти новшества вводились в процессе как её иногда называют «Восьмидесятилетней войны» – или Нидерландской революции. В советской историографии – Нидерландской буржуазной революции – начавшейся в середине XVI века (в 1566–68 годах).

Окончание этого длительного противостояния жителей современных Голландии, Бельгии и Люксембурга с Испанской короной пришлось на конец Тридцатилетней войны. Мориц скончался в 1625 году и не дожил до её завершения. Его важнейшим новшеством стала система набора рекрутов из местных жителей вместо наемников. Т. е. речь идёт если и не о первой, то одной из первых и наиболее последовательной попытке создания системы воинской повинности для населения определенной территории или страны.

Нидерланды не случайно и не только из-за длительной войны стали тем местом, где происходили все эти изменения. В годы жизни Морица Оранского на этой территории быстро формировался влиятельный и богатый класс буржуазии, создавалось множество мануфактур, предшественников фабричного производства. Голландская Ост-Индская компания (один из институтов имперской экспансии) создает в 1602 году в Амстердаме первую в мире Фондовую биржу и начинает торговлю ценными бумагами и акциями. На этой территории бурно развивается банковское дело. Одним словом, в XVII веке Нидерланды – центр мировой торговли и самых современных для того времени финансовых институтов. Для ведения длительной войны и содержания постоянной многочисленной армии требовались

значительные финансовые средства. И Мориц Оранский мог проводить свои реформы и эксперименты, благодаря бурному становлению капиталистического способа производства на управляемой им территории. Денег в Нидерландах на его опыты хватало.

ШВЕЦИЯ

Следующий исторический персонаж – Густав II Адольф родился в 1594 году в Стокгольме в Шведском королевстве. За свою относительно короткую жизнь – погиб он в битве при Лютцене во время кровопролитной Тридцатилетней войны в 1632 году – он успел прославиться как полководец и один из отцов-основателей современной военной школы. Он был одним из создателей государства, которое историки называют Шведской империей.

Густав Адольф был автором многих реформ и нововведений в военной тактике и стратегии. Ему досталась в наследство от его отца Карла IX система централизованной монархии, позволившая эффективно мобилизовать ресурсы этой относительно бедной и редко населенной территории (если сравнивать с немецкими землями, Францией или Нидерландами). Для Шведской империи это был момент экономического подъёма, в значительной степени связанный с обеспечением запросов растущей армии.

Стоит вспомнить, что Густав Адольф был ещё и сторонником суровой дисциплины. Именно его считают изобретателем печально известного наказания **шпицрутенами**. Провинившегося в чём-то солдата прогоняли между двумя рядами сослуживцев, бивших его длинными гибкими прутьями, палками. Впоследствии эта форма наказания широко применялась в прусской, российской и других армиях. Длинный строй и тысячи ударов означали, по сути, форму жестокой и мучительной смертной казни для провинившегося.

Напомню, что его прямой потомок – король Карл XII, правивший Шведской империей с 1697 до 1718 годы, был самым знаменитым и опасным противником Петра Первого Великого, создавшего Российскую империю. При Петре Первом Российская империя активно включилась в процесс милитаризации, перенимая нововведения, распространившиеся в различных европейских странах. И речь идёт не только о способах формирования армий и правилах ведения военных действий, но и о создании тех же мануфактур, обслуживающих растущие милитаристские аппетиты. Как и повсюду в европейских странах, это было быстро растущее производство чугуна и же-

леза для пушек и другого оружия, различная амуниция (тот же порох), обмундирование, всё связанное с кораблестроением и продовольственным снабжением.

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА

Прежде чем двинуться дальше в XVIII век, важно добавить несколько слов о Тридцатилетней войне. Этот первый и весьма кровопролитный общеевропейский конфликт, начавшийся в 1618 году и завершившийся в 1648 Вестфальским миром, был важнейшим этапом в процессе милитаризации европейских обществ. Точное число жертв этой войны неизвестно. Но по самым оптимистичным оценкам речь может идти о не менее чем пяти миллионах человек. Называются и цифры в 7, и даже 9 миллионов и больше. Территории, позже вошедшие в состав Германии, пострадали в наибольшей степени. Некоторые регионы потеряли свыше половины своего населения. Это цена военных экспериментов и реформ, которыми были озабочены участники тех событий.

Наряду с Морицем Оранским и Густавом Адольфом, стоит вспомнить и некоторых из их противников. Например, генералиссимуса Священной Римской империи Альбрехта фон Валленштейна или фельдмаршала графа фон Тилли. Или получившего широкую известность благодаря роману Александра Дюма кардинала Армана де Ришелье. Все они искали способы обеспечить финансирование и содержание больших армий. Именно в эту войну стало принято **содержать войска за счёт занятых территорий, что приводило к масштабным грабёжам населения, массовому насилию и мародёрству**. Тридцатилетняя война в принципе отличалась большой жестокостью.

Бертольд Брехт обращается к событиям Тридцатилетней войны в преддверии Второй Мировой в своей пьесе «Мамаша Кураж и её дети». Хитрая и предприимчивая героиня пьесы маркитантка мамаша Кураж зарабатывает на войне. Когда одного из её сыновей вербовщик уговаривает вступить в армию, один из персонажей, фельдфебель, цинично замечает: «Да уж, хочешь от войны хлеба – давай ей мяса».

Один из эпизодов этой войны – осада и взятие имперскими войсками города Магдебурга – 1631 год. Это событие ещё называют резнёй в Магдебурге. Из примерно 30 тысяч горожан побоище пережили не больше пяти тысяч. Многие сгорели в пожаре. Город был превращён в руины. Солдаты охотились за женщинами и захватили около пяти

тысяч жительниц Магдебурга. То есть это ещё один из примеров массового насилия в отношении женщин. Эти кровавые события заслужили отдельного неологизма, на которые богат немецкий язык – **магдебургия** – синоним тотального разрушения, массового насилия и разграбления.

Гуго Гроций, голландский философ, основоположник международного права и современник этих событий, как замечает Майкл Робертс:

«учил, что законно убивать военнопленных [...]; что неограниченное опустошение земель и городов врага допустимо, даже если они сдались; что гражданское население не имеет права на особое отношение; и что «убийство женщин и детей допускается безнаказанно, как это предусмотрено правом войны» – позицию, которую он, по своей привычке, подкрепил уместной цитатой из 137-го псалма: “Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!” [...]. Абсолютная, жестокая [Тридцатилетняя] война той эпохи, с которой Гроций был вынужден смириться, придала особую остроту логике Левиафана».

Напомню, что образ государства как «Левиафана» – мифического библейского огромного огнедышащего змея, был создан ещё одним современником Тридцатилетней войны – английским философом Томасом Гоббсом. Могущественное чудовище в его произведениях становится метафорой сильной государственной власти.

Не будем забывать, что милитаризм, послуживший причиной многих научных открытий и различных нововведений (как сказали бы его сторонники), **требовал платить за них самую высокую цену**. Жестокие войны и миллионы уничтоженных жизней; постоянный рост насилия и разрушительности войн, идущий рука об руку с усилением государства и его контроля над жизнью подданных, а позже граждан – это цена, которую приходилось постоянно платить. От века к веку, от королевств к республикам Левиафан становился всё сильнее и могущественнее.

В последующие после Тридцатилетней войны века государственная власть последовательно развивала аппарат сбора, как выразился бы, наверное, прямолинейный фельдфебель, персонаж Брехта, «мяса», для отправки на очередную войну. Цена всегда только возрастала, а многочисленные предприниматели от буржуазии, капиталисты получали всё больше «хлеба»; всё больше возможностей для создания огромных состояний на войнах и милитаризации.

ПРУССИЯ

Перенесемся сразу в XVIII век и в другое королевство – Пруссию. Отправимся во времена Иммануила Канта. Большую часть своей длинной жизни этот знаменитый немецкий философ прожил при двух правителях Пруссии, представителях династии Гогенцоллернов.

Фридрих Вильгельм Первый правил Пруссией – этим крупнейшим немецким королевством – на протяжении 27 лет, до 1740 года. За его любовь к военной муштре, дисциплине и армии его прозвали **король-солдат**. Впрочем, у него было и много других, куда менее комплиментарных прозвищ.

По словам историка Вольфганга Фенора, «пруссский король-солдат всегда пользовался дурной славой. При всех европейских дворах смеялись над прусским «солдатом-дураком». Его называли «фельдфебелем на троне». Современник Канта, знаменитый философ и мыслитель Вольтер писал в своих мемуарах о Фридрихе Вильгельме:

«Настоящий вандал, в течение всего своего царствования помышлял только о том, чтобы накопить побольше денег и содержать с наименьшими расходами лучшие войска в Европе».

Впрочем, эти, по словам Вольтера, лучшие войска в Европе, как раз и создал король-«вандал». И секрет его достижений на этом поприще во многом крылся в подчинении экономики королевства задачам создания «самых лучших войск». Иными словами, он был далеко не только военным реформатором. Едва вступив на трон, он обозначил свою позицию во главе королевства следующим образом:

«Я, Фридрих Вильгельм, – главный финансист и фельдмаршал прусского королевства».

По словам Фенора, его величайшей страстью был подсчёт доходов, бережливость и контроль за финансами. Эта страсть проявилась уже в раннем возрасте. На его десятилетие отец подарил ему охотничий замок Вустерхаузен и вместе с ним роту кадетов, которыми стали деревенские мальчишки, вооружённые игрушечными ружьями.

Вольфганг Фенор подчеркивает, что благодаря привычке с детства управлять имением, которое было

«наполовину крестьянской усадьбой, наполовину воинской частью – к кронпринцу приходило глубокое понимание при-

чин неразрывной связи между армией и финансами, экономического взаимодействия между государством и армией».

С именем Фридриха Вильгельма связано выражение **«прусская муштра»** – строжайшая дисциплина, вырабатываемая многократным и изнурительным повторением одних и тех же строевых приемов. Он создавал тем самым новую и весьма эффективную для XVIII века линейную тактику ведения боя. Армейская служба основывалась отныне на строгой организации, опирающейся на суровую дисциплину. Символом перемен становилась единая синяя форма – знаменитая в те годы «берлинская лазурь». Этот цвет отныне символизировал принадлежность к прусской армии.

Но важнее то, что вся эта любимая и понятная Фридриху Вильгельму милитаристская организация **переносилась на всё государство**. Как замечает Фенор:

«С самого начала он твёрдо решил радикально преобразовать прусский мир, сформировав его заново по двум законам, которые он, наряду со страхом Божьим, считал наивысшими, – законам бережливости и порядка. Он считал себя наместником Бога в Пруссии, и все здесь должны были слепо повиноваться ему. Под его началом всё государство должно было двигаться вперёд, как батальон: ровными шеренгами, плечом к плечу».

По словам того же Фенора, Фридриху Вильгельму «удалось перестроить прусскую экономику для армейских нужд [...] и сделать армию маховиком новой национальной экономики».

Ключевым компонентом новой экономики стала прусская шерстепромышленность. Её важнейшая задача – производство обмундирования для всё время увеличивающейся армии. Мануфактуры создавались по всему королевству. Уже в 1725 году Пруссия начала поставки обмундирования в Российскую империю. Вслед за этой отраслью создавались оружейные мануфактуры. К концу его правления Пруссия полностью обеспечивала армию вооружением.

Распределение государственного бюджета многое говорит о степени милитаризации общества и экономики в Пруссии в XVIII веке. В 1713 году, до начала правления Фридриха Вильгельма, 2,4 миллиона талеров тратилось на армию, и вдвое меньше – 1,2 миллиона, на все остальные невоенные расходы. К концу его правления бюджет королевства вырос вдвое. Но соотношение осталось прежним. 4 миллиона 800 тысяч на армию, и вдвое меньше – 2 миллиона 400 ты-

сяч на все остальные статьи расходов. Такого рода дисбаланс не был чем-то исключительным. Расходы на содержание армий и ведение войн составляли основные статьи бюджета и в других королевствах и империях.

ПРОСВЕЩЁННЫЙ АБСОЛЮТИЗМ

Свое королевство Фридрих Вильгельм Первый оставил старшему и нелюбимому им сыну, в свою очередь, ненавидевшему своего отца – Фридриху II, заслужившему за годы своего правления эпитет Великий. В уже упоминавшихся мемуарах Вольтера отношения отца и сына рисуются следующим образом:

«Можно себе представить, как был удивлён и рассержен этот вандал [Фридрих Вильгельм I], видя, что у него растёт сын, исполненный остроумия, грации, любезности и желанья нравиться, сын старавшийся образовать себя, занимавшийся музыкой и писавший стихи. Если он видел книгу в руках наследного принца, то бросал её в огонь. Если принц играл на флейте, отец ломал флейту...»

Подобный склад характера никак не помешал Фридриху II Великому, которого прозвали королём-философом, придерживаться той же милитаристской и финансовой политики, что и его отец. Фридрих Второй был ярким представителем эпохи просвещённого абсолютизма. Это было время, многие монархи декларировали свою приверженность идеям Просвещения, владея абсолютным контролем над государством. В экономической политике Фридрих Великий, как и его отец, как и большинство европейских монархий, придерживались политики меркантилизма.

«Меркантилизм диктовал политику интенсивной международной торговли с положительным балансом импорта и экспорта».

Новая имперская история Северной Евразии, том 2.

Правители стремились защищать хозяйство страны высокими пошлинами на импорт и старались накапливать как можно больше драгоценных металлов. Что касается армии, то она строилась **на неукоснительном подчинении младших чинов старшим и всё той же строжайшей дисциплине**. По словам историка Юрия Ненахова, эта система

«закреплялась железными правилами уставов и наставлений, регламентирующих буквально каждую минуту жизни солдат. Палка в прусской армии играла гораздо большую, если и не наиглавнейшую роль, нежели в войсках любой другой европейской страны».

Многие офицеры впоследствии становились чиновниками, принося с собой строго регламентированные милитаристские практики, к которым привыкали во время службы в армии, и на гражданскую службу. **Заметное и почётное место, отводившееся в таком милитаризованном обществе военным**, стало приметой времени не только в Пруссии, но и во многих других европейских монархиях.

Историк Фридрих Мейнеке так описывает эту ситуацию:

«Прусский лейтенант шагал по миру как бог, а буржуазный лейтенант резерва – по меньшей мере как полубог. Требовалось получить ранг офицера резерва, чтобы к тебе всерьёз относились в буржуазном обществе и в особенности на государственной службе».

«Абсолютной ценностью стали высшие достижения в профессиональной области – на плацу и в поле брани. Причём на плацу ещё и с особым расчётом и техникой. Здесь человека дрессировали, то есть, согласно рациональной схеме, превращали в существо, способное слепо отдать свою жизнь за поставленную кем-то другим цель. Человек становился маленьким винтиком, шестерёнкой большой машины [...]. Это механическое чудо становилось самоцелью, все в стране должны были склоняться перед ним».

Эту систему можно называть не только просвещённым абсолютизмом, но и **военно-бюрократическим абсолютизмом**. Монарх в военной форме является абсолютным правителем. Он опирается как на армию, так и на бюрократический аппарат, который во многом построен по милитаристским принципам – звания, ранги, строгое подчинение, своя чиновничья дисциплина.

К концу XVIII века два события приведут к радикальным изменениям в принципах функционирования государства и в экономике. Примерно в 1780-е годы начинается растянувшаяся на десятки лет **британская промышленная революция**. Британия, со своими железными дорогами и фабриками, стала образцом для развития капиталистических экономик в других странах.

НАПОЛЕОНОВСКАЯ ФРАНЦИЯ

Летом 1789 года начинается Великая Французская революция. Это событие было значимо по целому ряду причин. По словам историка Эрика Хобсбаума:

«Прежде всего, она произошла на территории самого могущественного и густонаселённого государства Европы (не считая России). В 1789 г. один европеец из пяти был французом».

Во-вторых, она была

«самой массовой социальной революцией и гораздо более радикальной, чем любая другая по сравнению с ней».

Наконец,

«В-третьих, единственная из всех современных революций, она была всемирной. Её армии разнесли и революцию, и её идеи по всему свету».

Ещё один важнейший результат этой революции состоял в том, что:

«Франция стала первым великим примером, концепцией и словарём национализма».

Конкуренция между революционной, а затем и наполеоновской Францией и Британской империей, амбиции Наполеона Бонапарта, провозглашённого в 1804 году императором, и стремление Британии препятствовать его доминированию на европейском континенте, борьба за заморские владения – все эти события привели к длительному вооружённому противостоянию. По словам тоже же Эрика Хобсбаума, с 1792 по 1815 годы в Европе почти не прекращалась война. При Наполеоне финансовые затраты на ведение бесконечных войн и содержание больших по численности армий никогда не опускались ниже 60% от общего бюджета империи. И это при том, что в наполеоновские времена активно практиковался принцип использования ресурсов покорённых территорий для содержания армий. Таким образом, складывающаяся во Франции капиталистическая экономика росла в первую очередь на обслуживании интересов армии и на войнах.

Франция выставляла на поле боя самые большие армии, исчислявшиеся сотнями тысяч человек. На момент вторжения в Российскую империю её численность доходила до 700 тысяч. Эти события стали своего рода прологом к становлению на протяжении всего XIX века массовых национальных армий.

КОНСКРИПЦИЯ

По словам историка Юджина Вебера:

«Систематическая конскрипция во Франции берёт своё начало в 1798 году. Её общие черты [...] были заданы в период империи, когда Наполеон ввёл призывную лотерею и определил основания для освобождения от службы».

Конскрипция – это термин для обозначения призыва в армию на основе жеребьёвки. Иными словами, мужчины призывного возраста тянут жребий. Поворотный момент состоит в том, что конскрипция означала **постепенное введение принципа всеобщей воинской повинности**. Конскрипция во Франции станет примером для многих других стран. Это была новая по форме всеобщая воинская обязанность для жителей той или иной страны, для мужчин определённого возраста, которые теперь должны были идти служить в армию. Армии становятся всё более многочисленными и постепенно превращаются в национальные.

К началу Первой Мировой войны эта система приобретёт хорошо знакомые нам по XX веку черты. Юджин Вебер так описывает завершение этого длительного процесса массовой милитаризации французского общества в преддверии Великой Катастрофы (так впоследствии будут назвать Первую Мировую войну):

«К 1889 году срок службы был сокращён до трёх лет, отменена льгота в 1500 франков, и все, кто ранее был освобождён от службы (в частности студенты, учителя, священники, полунцие, старшие сыновья вдов и многодетных семей), должны были отслужить один год под флагом. Эта мера пользовалась популярностью. Она стала решающим моментом, когда все физически здоровые французы стали проходить службу под национальными знамёнами. В 1905 году срок службы для всех был увеличен до двух лет, в 1913 году он вновь стал равняться трём годам».

А затем Франция, как и другие европейские страны – Германия, Британия, Российская империя, Италия и другие – отправили на фронты Первой Мировой войны миллионные армии.

Майкл Робертс, напомню, что он был автором термина «военная революция», подытоживая свой анализ, замечает, что

«В период с 1560 по 1660 год в европейском мире произошла великая и необратимая трансформация. [...] К 1660 году заро-

дилось современное военное искусство. Массовые армии, строгая дисциплина, контроль со стороны государства, подавление индивидуальности – всё это уже стало реальностью; совместное господство финансовой власти и прикладной науки уже утвердилось во всей своей злобности; использование пропаганды, психологической войны и терроризма в качестве военного оружия было уже хорошо знакомо как теоретикам, так и полководцам на поле боя. Последние сомнения относительно религиозной и этической легитимности войны, казалось, были устранены. Дорога лежала открытой, широкой и прямой, к бездне двадцатого века».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На этом мы остановимся. Тема скатывания к Первой Мировой войне и процесса милитаризации в XX веке требует отдельного обсуждения.

Подытоживая, замечу только, что часто можно услышать рассуждения о том, что милитаризм, шедший в унисон с капитализмом и национализмом, способствовал становлению обществ гораздо более богатых. Множество полезных изобретений действительно связано напрямую с милитаризацией и войнами. Но по этой логике жертвы, принесённые на алтарь милитаризации, становятся как бы побочными, оправданными. Люди, гибнувшие во многочисленных войнах в XVII-й, XVIII-й или XIX века кажутся нам уже какими-то нереальными, актёрами какой-нибудь выдуманной пьесы. Но это были такие же люди, как и мы с вами. И их жизни были разрушены и принесены в жертву вовсе не ради прогресса и новых изобретений. Всё с точностью до наоборот. Устраивая войны, милитаризируя свои общества, втраивая их в массовое насилие, представители правящих классов, милитаристы и капиталисты преследовали совсем другие цели. Они добивались военного превосходства и доминирования. Вся эта система была построена на чудовищной эксплуатации – условия работы на мануфактурах в XVII–XVIII веках, а позже на фабриках в XIX веке были чудовищными. В конечном итоге, можно легко предположить, что если бы огромные финансы, затраченные на создание современных армий, были направлены на развитие образования, здравоохранения, культуры и науки, то полезных изобретений случилось бы не меньше, а цена за них была бы далеко не такой страшной.

Автор – Сергей Румянцев

Вёрстка – Катя Чигалейчик

Название – «Планета наша похожа на новобранца, потеющего на марше». Истоки современного милитаризма. Опыт критического обзора.»

Транскрипт аудио лекции в рамках проекта «Weg zum Frieden. Demilitarizing Mind - Supporting Peace».

2025

KANT